

Тува вчера, сегодня, завтра

ТОФАЛАРЫ И СОЙОТЫ: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

М. В. Монгуш

Аннотация: Статья посвящена немногочисленным группам тофаларов и сойотов, которые в прошлом входили в состав тувинского этноса, но впоследствии, отколовшись от него, образовали две самостоятельные этнические единицы. Исследуются их этническая история, язык, культура и проблема идентичности.

Ключевые слова: Сибирь, Тува, Бурятия, тофалары, тофы, сойоты, тувинцы, этническая идентичность, малые этнические группы.

В пределах Российской Федерации проживают немногочисленные группы тофаларов (тофы) и сойотов, первые из которых (около 1 тыс. чел) живут в Нижнеудинском районе Иркутской области, а вторые (не более 3 тыс. чел) — в Окинском и Тункинском районах Республики Бурятия (История Тувы, 2001: 3). В прошлом они входили в состав тувинского этноса, но впоследствии, отколовшись от него, образовали две новые этнические общности со своими этнонимами.

В настоящее время у тофаларов и сойот нет с материнским этносом общей территории и реальных экономических связей, поскольку роль их в функционировании тувинского этноса как целостной системы полностью утрачена, однако изучение их в контексте этногенеза и этнической истории тувинцев весьма актуально.

Целью настоящей статьи является попытка исследовать механизм образования тофаларов и сойот в отдельные обособленные этнические единицы. Чтобы справиться с поставленной задачей, автору попутно пришлось искать ответы на многие другие вопросы. В частности, насколько сохраняют и воспроизводят тофалары и сойоты социально-экономические и культурные параметры материнского этноса? Насколько их культурная характеристика является отражением влияния иноэтнической среды? Не

Монгуш Марина Васильевна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва.

трансформировались ли они в специфические этнические общности, не воспроизводящие в полном объеме структуры как своего этноса, так и преобладающего на территории функционирования группы?

Следует заметить, что тофалары и сойоты привлекали внимание исследователей не в одинаковой степени. Наиболее удачно складывалось изучение тофаларов, о чем свидетельствуют серьезные научные публикации, в том числе ряд монографий, посвященных различным аспектам их истории, языка и культуры (Dioszegi, 1968; Рассадин, 1971, 1978, 1982, 2000, 2000а; Мельникова, 1994). Неоспоримым достоинством этих работ является то, что они основаны на богатом полевом этнографическом материале — уникальном источнике по народной культуре любого этноса, позволяющем расширить и углубить проблематику исследований.

Иная ситуация сложилась с сойотами, полевые исследования среди которых долгое время практически не велись. Если упоминания о них и встречались в литературе, то они в основном носили общий характер и не могли служить источником полных и достоверных знаний (Керцелли, 1925; Петри, 1927: 12–20; Исаев, 1970, 141–144). Лишь начиная с 1990-х годов, когда сойоты заявили о себе как о самостоятельной этнической единице, интерес исследователей к ним резко возрос (Павлинская, 1993, 2002; Орешкина, 1995; Рассадин, 1996, 1999: 26–27; Ирильдеева, 2000). В настоящее время они являются одним из наиболее активно изучаемых малочисленных народов Сибири.

Учитывая, что тофалары и сойоты долгое время развивались в отрыве от основного этнического массива, достаточно самостоятельно и независимо друг от друга, хотя и имели много общих черт в хозяйстве, быту и культуре, их, на наш взгляд, следует рассматривать отдельно, поскольку путь, пройденный каждым из них, с одной стороны, весьма своеобразен, с другой — универсален.

Тофалары

В дореволюционной русской и зарубежной литературе тофалары известны под названием карагасы, хотя самоназвание их — туба (тофа, тыфа, тыпа). Оно восходит к древнему письменному названию «дубо», которое встречается в китайских летописях Вэйской (V в.) и Танской (VII–X вв.) династий (Бичурин, 1950: 348). В них говорится, что туба «..кочевали к востоку от хагасов, к северу от уйгуров; земли их примыкали к Косо голу (Хубсугулу. — М. М.). Разделялись на три аймака. Ловили рыб, птиц и зве-

рей и употребляли их в пищу» (там же: 439, 447). Г. Е. Грумм-Гржимайло полагает, что туба являлись аборигенами Саян, «не покидавшими в историческое время этой горной страны» (Грумм-Гржимайло, 1899: 75).

Этноним дубо–туба встречается и в «Сокровенном сказании монголов», в рассказе о покорении сыном Чингисхана Джучи местных народов Саяно-Алтайского нагорья применительно к одному из них (Козин, 1941: 175). Подтверждение тому мы находим и у Рашид ад-Дина, который пишет, что туба (тубасы) постоянно пребывают в лесу, однако в век Чингисхана их земли стали принадлежать монгольским племенам, с которыми те смешались. Рашид ад-Дин относит туба к числу тюркских племен, которых в то время называли монгольскими (Рашид ад-Дин, 1952: 150).

Этот этноним дожил до наших дней в виде самоназвания тофаларов — тофа, тувинцев — тыва и названия рода туба (тумат) в составе племенного объединения качинцев и, возможно, тувинцев.

Исследования С. И. Вайнштейна показали, что у восточных тувинцев этноним туба был известен еще во второй половине I тысячелетия н.э., но в качестве самоназвания тувинского народа он выступил значительно позднее (Вайнштейн, 1961: 35). Об этом, в частности, свидетельствует следующее. Предки тофаларов, находившиеся с XVII в. в составе Российского государства, в XVIII в. были отделены от родственных им племен Восточной Тувы, оказавшихся в составе Китая в период владычества Цинской империи. Это привело к образованию отдельной народности тофаларов с самоназванием тофа.

Тофалары являются потомками населения, входившего в XVII в. в пять административных улусов «Удинской земли» Красноярского уезда: Карагасский (род Сарыг-Каш), Кангатский (род Каш), Югдинский (род Кара-Чооду), Сильпигурский (род Ак-Чооду или просто Чооду) и Маньчжурский (род Четпей), возникший на месте распавшегося Кубалитского улуса (Рассадин, 1971: 4–5). Это деление сохранялось вплоть до 1960-х годов, т.к. за каждым родом при кочевой жизни был закреплен определенный район кочевания и охотничьих угодий. Тофалары старшего поколения до сих пор помнят свою принадлежность к тому или иному роду: Хааш, Сарыг-Хааш, Чогду. Кара-Чогду и Четпей.

Раньше тофалары кочевали по таежным пространствам северного склона Восточных Саян, в верховьях рек Уда, Бирюса, Кан, Гутар, Ия и левых притоков Оби. Они живут в Нижнеудинском районе Иркутской

области. Их территория примыкает к территории Тоджинского кожууна Республики Тыва; тувинцы-тоджинцы и тофалары очень близки по происхождению, языку и многим элементам культуры. Например, относительно их антропологического сходства ученые отмечают, что тоджинцы и тофалары обнаруживают своеобразное сочетание ряда признаков, отличающих их от тувинцев степных районов еще более слабым ростом бороды, сравнительно мягкими волосами, более сильно выступающими скулами, более тонкими губами. Этот антропологический тип, названный «катангским», распространен также у западных эвенков, чулымцев, селькупов и ненцев. На счет их языка Н. Ф. Катанов пишет: «...несомненно то, что в 1890 г. они (карагасы. — М. М.) говорили совершенно почти одинаково с урянхайцами (сойотами) Северной Монголии и звали себя так же, как и они, т.е. туба»; в начале 1900-х гг. их численность была не более 300-400 человек (Катанов, 1909: 285).

Учеными также установлено, что шаманский костюм тувинцев-тоджинцев, отличаясь по ряду признаков от распространенного в других районах Тувы, имел большое сходство с тофаларским: у тех и у других на костюмах изображался скелет и имелся нагрудник. На тоджинских бубнах, как и на тофаларских, как правило, не было рисунков, характерных для бубнов шаманов других районов Тувы (Вайнштейн, 1961: 26). Шаманы у карагасов, как отмечает Н. Ф. Катанов, были весьма могущественны, они могли вызвать град по необходимости и поразить неприятелей, задулавших что-то против них (Катанов, 1909: 286).

Тофалары были близки к тувинцам-тоджинцам и по родовому составу. Тофаларский род чооду (чооду), по преданию, записанному Н. Ф. Катановым, пришел к тофаларам с верховьев Уды, левого притока Ангары, род хааш — из Урянхайской земли, с верховьев Енисея, сарыг-хааш произошел «от одного мальчика, которого нашли играющим на речке Оденге, приток Большой Бирюсы, четпей «произошел от двух худых людей, пришедших сюда от озера Косогол» (там же: 285), т.е. из района, где издавна жили самодийскоязычные племена. Отсюда понятно, почему часть тофаларов говорила на самодийском языке (Паллас, 1788: 523–526). Род под названием чооду есть среди тувинцев и алтайцев, чот — среди шорцев (Потапов, 1953: 158). Этот же этноним в форме тйоди был отмечен В. Радловым у сагайцев и А. Кастреном у койбалов (см.: Кастрен, 1860: 392).

Название рода хаазыт, часто встречающееся у тувинцев-тоджинцев, является монгольской формой множественного числа этнонима хаас (хааш), который в свою очередь сопоставим с другим самодийским этнонимом —

каса. Родовые названия тофаларов хааш и сарыг-хааш, по мнению некоторых авторов, восходят к самодийскому каса (Вайнштейн, 1961: 21).

Другим важным этническим признаком, указывающим на древние связи тофаларов и тоджинцев с самодийскими племенами является оленеводство самодийского типа. Оно, как убедительно показали исследования Г. М. Василевич и М. Г. Левина, генетически связано с саянским типом оленеводства, распространенным и в других районах, прилегающих к Саянам. Оленеводство саянского типа хорошо знакомо на территории Монголии цаатанам и дархатам (Василевич, Левин, 1951: 76–77), в состав которых, как утверждает И. В. Рассадин, вошли многие тюркоязычные этнические группы, родственные тофаларам и тувинцам (Рассадин, 2000: 132); а также бурятоязычным сойотам, ведущим происхождение от тюркоязычных оленеводческих групп, родственных цаатанам и тофаларам, ныне живущим в окинском районе Республики Бурятия.

Мнение ученых по поводу тофаларского языка долгое время было неоднозначным. Одним из его первых исследователей был Н. Ф. Катанов: в 1890 г. он совершил поездку к тофаларам и записал у них 67 песен, 536 стихов, 26 устных рассказов, 9 преданий, 9 загадок, 29 сказок, которые затем издал с переводом на русском языке (Радлов, 1907: 614–657). Но, к сожалению, Н. Ф. Катанов не создал ни грамматики, ни словаря тофаларского языка. Однако его фольклорные тексты, собранные у тофаларов, стали теперь уникальными памятниками.

В конце XVIII в. П. С. Паллас доказывал, что язык карагасов, т.е. тофаларов относится к самодийской группе (Паллас, 1788: 524–526). Но позже, в середине XIX в. М. А. Кастрен нашел их уже тюркоязычными и, более того, признал тофаларский язык очень близким к тувинскому языку и качинскому диалекту современного хакасского языка (см.: Рассадин, 1982: 105). Н. А. Баскаков считал тофаларский язык диалектом тувинского языка (Баскаков, 1969: 317). С. Е. Малов относил тофаларский язык, как и современный тувинский, хакасский, шорский и языки памятников древнетюркской и древнеуйгурской письменности, к другим тюркским языкам (Малов, 1951: 7). По классификации А. Н. Самойловича, тофаларский язык относится к подгруппе «д» — диалектов северо-восточной, по основному языку — уйгурской, группы тюркских языков, к группе «бол» — диалектов (Самойлович, 1922: 8–9).

Позже В. И. Рассадину удалось подытожить и обобщить результаты всех произведенных ранее исследований по тофаларскому языку и с

максимальной полнотой описать строй современного тофаларского языка, произвести сравнение элементов строя с таковыми других тюркских языков и, опираясь на полученные данные, определить как статус этого языка, так и его место в системе тюркских языков. Отдельно им исследовалась лексика тофаларского языка.

Исследования В. И. Рассадина, которые велись непрерывно с 1964 по 1980 гг., показали, что строй тофаларского языка свидетельствует о его самостоятельности. Об этом же говорят, как он считает, и факты экстралингвистического характера, к которым относятся, например, такие, как осознание тофаларами себя как самостоятельного народа со своим языком, своей территорией, своим типом хозяйства и самобытной культурой, хотя и во многом схожей с культурами других народов Сибири. «Хотя их язык в некотором отношении и близок к тувинскому, — пишет он, — но взаимопонимание между тофами и тувинцами, даже тоджинцами затруднено, о чем свидетельствуют как сами тофы, бывавшие в Туве, так и тувинцы, приезжавшие к тофаларам» (Рассадин, 1982: 33–34). Он полагает, что имеющаяся близость между тофаларским и тувинским языками является следствием того, что эти языки образовались за счет обособления и длительного самостоятельного развития осколков распавшегося некогда их единого языка-предка (там же). Этот вывод лишней раз закрепляет известный тезис об общем этногенезе тувинцев и тофаларов.

Исследования убедительно показывают, что отличия между тофаларами и тувинцами-тоджинцами появились в начале XVII в., когда на реке Удэ в районе расселения тофаларов был построен Удинский острог (в 1648 г.) и тофалары вступили в общение с русскими, испытав заметное их влияние, в то время как тувинцы-тоджинцы остались под властью маньчжуров и почти не соприкасались с русским населением. Со временем отличия между ними лишь усиливались и, наконец, привели к обособлению тофаларов, к их «отпочкованию» от тувинцев.

После установления советской власти в Сибири начался процесс советизации всех сторон жизни и быта тофаларов. В 1927 г. район их расселения был выделен в особую национальную единицу — Карагасский родовой Совет. Территория данного района и охотничьи угодья составляли Центральное Саяно-Карагасское охотничье хозяйство с центром в с. Алыгджер. В 1930 г. родовой Совет был преобразован в Карагасский туземный Совет и выделен как самостоятельная административная единица с непосредственным подчинением Восточносибирскому краю. С 1934 г. Карагасский туземный Совет стал называться Тофаларским национальным Со-

ветом, т.е. было устранено название «карагасы» и официально утверждено новое — «тофалары». С 1939 г. национальный Совет был реорганизован в Тофаларский районный Совет депутатов трудящихся, районным центром стало с. Алыгджер. Но в 1950 г. Тофаларский район был упразднен и на его месте создано два сельских совета в составе Нижнеудинского района Иркутской области: Тофаларский с центром в с. Алыгджер и Верхне-Гутарский с центром в с. Верхняя Гутара. Это административно-территориальное деление сохраняется и в настоящее время (Рассадин, 1971: 5–6).

В 1927–31 гг. в хозяйстве и быте тофаларов происходили коренные изменения. Известно, что различия в хозяйственно-культурном типе, образе жизни, культуре заметно сдерживают процесс этнокультурного сближения разных народов. Но вместе с тем процесс этот весьма противоречив и опыт тофаларов тому яркий пример. Оказавшись оторванными от основного этнического массива, они продолжали жить в схожей с родиной естественно-географических условиях, долгое время сохраняли традиционные трудовые навыки и культурные традиции. Быстро растущее по численности русское окружение заставило тофаларов адаптироваться к новым условиям, перенять рациональный опыт хозяйствования новых соседей, что, естественно, наложило своеобразный отпечаток на структуру их занятий и сформировало своеобразные черты тофаларского хозяйства. От русских тофалары заимствовали орудия труда, одежду и другие элементы русской народной культуры; от русских они получали хлеб, ружье, порох, свинец и т.д.; у русских научились разводить крупный рогатый скот, косить сено и заниматься огородничеством.

Одновременно с освоением русского быта происходило и оседание бывших кочевников. Первыми на оседлость перешла западная группа тофаларов в Алыгджере и восточная — на р. Уткун (правый приток Ии, к юго-востоку от Алыгджера), селясь в непосредственной близости от мест охоты, летних оленных пастбищ, луговых угодий и богатых рыбой озер. Позже начала оседать гутаринская западная группа. К лету 1928 г. осело 20 хозяйств из 95: в 1932 г. процесс оседания был полностью завершен (Народы Сибири, 1956: 536–537). Тофалары поселились в трех поселках: Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара, которые являлись центрами трех колхозов, объединивших оленеводов: «Красный охотник» (с. Алыгджер), им. С. М. Кирова (пос. Нерха) и «Кызыл Тофа» (с. В. Гутара) (там же: 536).

При переходе на оседлость тофалары получили готовые рубленые из бревен дома крестьянского типа с надворными постройками и приусадебным участком. Переехав в эти дома, они стали учиться у русских соседей жить в

них. В то же время довольно долго возле изб стояли чумы, крытые лиственничной корой. Они выполняли роль летнего жилища, особенно для пожилых членов семьи, привыкших с детства жить в чумах (Рассадин, 2000а: 31).

В 1960-х годах в связи с развалом хозяйства тофаларских колхозов, потерпевших большие убытки, они были реорганизованы в коопзверопромхоз, хозяйственная деятельность которого тоже была ориентирована на оленеводство, охотпромисел, заготовку кедрового ореха и лекарственного сырья. Из членов колхозов тофалары превратились в рабочих, к чему они, как показал последующий опыт, не были готовы. Они лишались работы и соответственно охотничьих участков; среди тофаларской молодежи стала расти безработица.

Наряду с этим происходила и значительная утрата многих элементов этнической культуры тофаларов. С уходом из жизни представителей старшего поколения, носителей традиционной материальной и духовной культуры, с возрастанием количества смешанных браков, в жизнь и быт тофаларов все активнее стали проникать черты, характерные для русского населения. Из быта стала исчезать тофаларская домашняя утварь, заменяемая заводской, купленной в магазине. Даже такой, казалось бы, консервативный обряд, как погребальный, стал полностью напоминать христианский, перенятый у русских. Постепенно в упадок пришел и сам тофаларский язык (по данным 1989 г., его считали родным всего 42,8%), т.к. все школы, равно как и административные органы, работали на русском языке.

Некоторые традиционные черты сохранялись в оленеводстве и охоте; от старых верований остались обряды, связанные с почитанием духа хозяина домашнего очага, местности, а также рудиментные остатки культа медведя (там же: 33–36).

В целом интеграция тофаларов в социалистическое общество стоила им многого: они утратили привычный образ жизни, многие черты материальной и духовной культуры, предали забвению свой родной язык. Они за это время, как справедливо отмечает И. В. Рассадина, полностью обрусели, чему в немалой степени способствовали не только участвовавшие межнациональные браки (в результате которых, по данным 1985 г., 29,7% тофаларского населения имели европейскую примесь), но и относительно небольшая численность тофаларов в поселках (там же: 36).

Численность тофаларов в советское время незначительно менялась, в целом в ее динамике наблюдалась тенденция к росту. Если в 1950-х годах тофаларов насчитывалось всего 400 человек, то в 1970 г. их было 620 чел.,

а по данным переписи 1989 г. их стало уже 731 чел. (Мельникова, 1994: 22). Они являются одним из малочисленных этносов Российской Федерации, имеющим статус народа Севера. В советское время это позволяло детям тофаларов находиться в круглосуточных детских яслях и садах, в школах-интернатах на полном государственном обеспечении. В средние и высшие учебные заведения они поступали на льготной основе и учились там как дети народов Севера, находясь опять же на гособеспечении. Это приобщило тофаларов к образованию и помогло сформировать свою интеллигенцию.

В конце 1970-х годов тофаларская интеллигенция, обеспокоенная проблемой сохранения родного языка, выступила с инициативой сначала перед местными, затем центральными властями о создании национальной письменности. Вскоре вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», в котором были названы и тофалары. Документ обязывал расширять научные исследования по малым народам Севера не только в области социально-экономических и медицинских наук, но и лингвистических, особенно по проблемам создания и развития письменностей на языках северных народов, не имеющих ее, разработке учебных пособий по этим языкам и составлению словарей различных типов.

Созданием письменности для тофаларского языка занимался известный тюрколог В. И. Рассадин, на счету у которого были серьезные исследования по тофаларам, в первую очередь по их языку. Его исследования практически позволяли строить на них преподавание тофаларского языка; их можно было также использовать в разработке вузовских курсов по сравнительно-исторической тюркологии и созданию сравнительной грамматики тюркских языков. Опираясь на них, профессор В. И. Рассадин и создал тофаларскую письменность в 1986 г. В 1989 г. был уже издан букварь и начато изучение тофаларского языка в начальных классах средней школы. В эти же годы был создан тофаларский фольклорный ансамбль «Тыырык ибилер» (Быстрые олени), а также организован Центр этнической культуры (там же: 33).

В настоящее время тофалары, по мнению И. В. Рассадина, представляют собой старый этнос, но с измененным образом жизни, с создаваемой заново материальной и духовной культурой, представляющей фактически симбиоз некоторых черт традиционной культуры и видов хозяйственной деятельности с новыми, русскими по происхождению. Этот их новый образ жизни и культура находятся пока еще в стадии становления (там же: 37).

Сойоты

Сойоты проживают в Окинском (с. Сорок и с. Орлик) и Тункинском (с. Монды) районах Республики Бурятия, но подавляющее большинство все-таки в Окинском, поэтому в научной литературе их часто называют окинскими сойотами (Жуковская, 1994: 12). По типу хозяйства и образу жизни они таежные охотники и оленеводы. По происхождению, языку и культуре им очень близки, как отмечалось ранее, тофалары Иркутской области, тувинцы Тоджинского кожууна Республики Тыва и туха (цаатаны) Хубсугульского аймака Монголии. Последние генетические исследования, проводившиеся совместно московскими и тувинскими учеными на уровне ДНК показали наибольшую близость сойотов к тувинцам, которая «не могла бы сохраниться (или сложиться) при смешанном происхождении тувинского этноса, который в своей основе сохранил генофонд, свойственный древней азиатской популяции» (Захаров, Ондар, Доржу, 2002: 129).

Ученые полагают, что самоназвание сойот восходит к одному из родовых названий, широко распространенному у многих народов Саяно-Алтайского нагорья: соян у тувинцев, сойонг у алтайцев и монгольских урянхайцев, соян у хакасов, соенг у халха-монголов, которое, в свою очередь, происходит от названия горного массива Саяны.

Первые упоминания о сойотах встречаются в исторических источниках XVII–XVIII вв., в частности, в русских архивных документах говорится, что они живут в «Саянской земле» (Вайнштейн, 1961: 38), под которым в то время понималось центральное плоскогорье хребта Восточных Саян. Г. Е. Грумм-Гржимайло видел в сойотах «захудалых потомков динлинов», среди которых часто встречались белокурые мужчины и женщины с красивыми формами и тонкими чертами лица (Грумм-Гржимайло, 1899: 265).

В формировании сойотов как этноса Н. Л. Жуковская выделяет три этнических пласта: самодийский, тюркский и монгольский (бурятский). Предки сойотов входили в число самодийских племен и народностей, расселенных на достаточном большом пространстве Южной Сибири между верховьями рек Оби и Енисея. В конце I тысячелетия началось их постепенное вытеснение и ассимиляция более крупными по численности тюркоязычными племенами и народностями, пришедшими на эту территорию из Центральной Азии (Жуковская, 1994: 11).

Подвергнувшись тюркизации, значительная часть самодийцев, остатки которых в настоящее время представлены ненцами (20 тыс. чел.), селькупам (3,5 тыс. чел.), нганасанами (около 750 чел.) и энцами (около

400 чел.) (Исаев, 1970: 141–144), утратила не только свой родной язык и самосознание, но и самоназвание. Однако последнее сойотов не коснулось, но смена самодийского языка на тюркский у них все-таки произошла. Язык, на котором говорили сойоты в XVI–XVII вв., ученые относят к числу диалектов тувинского языка, входящего в уйгурскую подгруппу тюркских языков (Орешкина, 1995: 49).

Русско-китайская граница, установленная в 1727 г., изолировала сойотов от родственных им тувинцев-тоджинцев и цаатанов. Кроме того, примерно в это же время на территорию, исконно принадлежавшую сойотам, в поисках лучших пастбищ и плодородных земель стали проникать отдельные этнические подразделения монголоязычных бурят и хондогоров (Жуковская, 1994: 9). Так как их численность стремительно росла, они вскоре заняли доминирующее положение в данном регионе.

Экологические особенности Саянского нагорья, а именно наличие тайги и степи, позволяли каждому народу заниматься традиционным хозяйством: сойотам — оленеводством, бурятам и хондогорам — скотоводством и земледелием. Это во многом способствовало мирному характеру взаимоотношений между этими народами.

Однако сойоты, значительно уступая бурятам и хондогорам по численности, довольно быстро подверглись их влиянию. В частности, от новых соседей они восприняли скотоводство и земледелие. Г. Е. Грумм-Гржимайло заметил, что «сойоты орошают свои поля», их лошади и скот считаются лучшими в крае» и т.д. Из других отличительных черт он выделил следующее: «они (сойоты. — М. М.) хорошие литейщики»; у них «в высшей степени развито чувство взаимопомощи» и «удержалось выборное право»; сойоты носят «высокие с узкими и загнутыми носками сапоги, какие были в употреблении только у горцев», а также кожаные мешки, украшенные вышивками, которые носят через плечо (Грумм-Гржимайло, 1899: 264, 265, 289).

Утрата сойотами родного языка, по всей вероятности, произошла в XVIII в. По данным известного этнографа Сибири Б. Э. Петри, работавшего среди сойотов в 1926 г., численность их тогда была чуть более 500 человек, но при этом они почти не говорили на родном языке, предпочитая бурятский в качестве языка межнационального и внутрисемейного общения (Петри, 1927: 12–20). Специфические особенности сойотской лексики сохранялись только в животноводческой терминологии и в терминах материальной культуры, которые впоследствии были исследованы В.И.Рассадиным (Рассадин, 1996).

В советский период судьба сойотов сложилась весьма драматично. Им, как и тофаларам и другим этническим группам, был предоставлен статус малой народности Севера, но почему-то никаких полагающихся к нему льгот сойоты не получили. Образованный Сойотский туземный родовой Совет просуществовал недолго, так как национальные лидеры, руководившие его работой, были репрессированы советской властью. О дальнейшей судьбе народа Н. Л. Жуковская пишет: «Окончательный удар нанесла сойотам ликвидация в 1963 г. оленеводства как непродуктивной отрасли хозяйства. А когда в Окинском районе Республики Бурятия (тогда Бурятской АССР) был создан Госпромхоз, все лучшие охотничьи угодья отошли к нему, и сойотам стало негде охотиться. Исчезло традиционное хозяйство, а с ним и соответствующий ему образ жизни. Исчезло самоназвание народа, т.к. в переписях населения, проводившихся после 1926 г., сойоты как самостоятельная этническая единица уже не упоминались и записывались как буряты» (Жуковская, 1994: 11). Так сойоты оказались стерты с этнической карты России, хотя многие из них продолжали сохранять не только память о своей принадлежности к маленькому оленеводческому народу, но и многие народные предания и навыки традиционной бытовой культуры (Павлинская, 1993: 37–39).

Однако грянувшее в начале 1990-х годов движение за национально-культурное возрождение, охватившее все народы бывшего СССР, не оставило в стороне и сойотов. В 1992 г. по инициативе жителей с. Сорок Окинского района был создан Центр сойотской культуры, призванный содействовать культурному и духовному возрождению этноса. Центр учредил фонд «Ахалар» (Аха — бурятское название реки Оки и ее бассейна) — общественную благотворительную экологическую организацию для защиты интересов сойотского населения. Главой фонда стал лама гелонг Данзан-Хайбзун, в миру Федор Самаев, сойот по национальности, уроженец Окинского района, в прошлом студент восточного факультета Ленинградского госуниверситета, затем послушник тибетского Гоман дацана в Южной Индии (там же).

В 1993 г. был создан Сойотский национальный сельский Совет с центром в с.Сорок, а также в Министерстве юстиции Бурятии зарегистрирована Ассоциация сойотов Окинского района, в которую записалось 812 чел. (Павлинская, 2002: 65). Одним из пунктов Устава Ассоциации было восстановление национальных традиционных форм экономики; с этой целью осенью 1994 г. в Оку из соседней Тофаларии были завезены 60 оле-

ней. Это положило начало возрождению традиционного оленеводства, специализировавшегося на разведении карагасской породы домашних оленей. Ассоциация также занимается разработкой и реализацией мер по оздоровлению экологической обстановки, возрождением национальных особенностей сойотской культуры. На этой волне сойоты вышли и на международную арену, заключив договор о сотрудничестве с Центром коренных народов США и Канады (Жуковская, 1994: 16).

Довольно долго и сложно решался вопрос о возвращении сойотам самоназвания, о признании их самостоятельным коренным народом Бурятии. Главная сложность состояла в том, что сойоты отсутствовали в перечне народов, прошедших перепись 1939, 1959, 1979, 1989 гг., хотя в переписи 1926 г. их значилось 161 человек, что несколько противоречит данным Б. Э. Петри, полученным им в этом же году, согласно которым сойотов тогда было всего 44 чел. (см.: Павлинская, 2002: 63)

Окинские сойоты не фигурировали в статистических бюллетенях, т.к. на федеральном уровне считались исчезнувшим, полностью растворившимся среди бурят этносом. Это и стало камнем преткновения, надолго задержавшим решение крайне важного для сойотов вопроса об их дальнейшем национально-культурном и правовом обустройстве.

И только благодаря сотрудникам Института этнологии и антропологии РАН, в частности доктору исторических наук Н. Н. Жуковской, была подготовлена для всех заинтересованных инстанций и лиц историко-этнографическая справка о сойотах, времени и истоках их формирования, особенностях материальной и духовной культуры, причинах происшедшей с ними трансформации и ассимиляции. На основании этого компетентного заключения Правительство России в марте 2000 г. особым Постановлением № 255 включило сойотов Бурятии в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (Жуковская, 1994: 18), что автоматически давало им право войти в Федеральную целевую программу «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера», куда всегда входили тофалары — близкие родственники сойотов.

В ноябре 2000 г. Окинский район Бурятии был переименован в Окинский сойотский национальный район. По данным на январь 2001 г., в районе насчитывалось населения — всего 4615 человек, из них 2002 — сойоты (Жуковская, 1994: 18). Они включены в список народов России, подлежащих переписи в 2002 г. Это означает, что официального призна-

ния на всероссийском уровне сойоты добились. Впереди им предстоит пройти долгий и сложный путь этнического самоутверждения.

* * *

Подводя итоги вышеизложенному, можно констатировать, что тофалары и сойоты во многом прошли одинаковый путь, хотя и не лишенный своеобразия в каждом отдельном случае. Отколовшись в XVII в. от основного этнического массива, они развивались практически автономно, при этом каждый из них оказался под влиянием иноэтничного окружения, которое впоследствии их значительно ассимилировало. В своем этническом развитии тофалары и сойоты прошли несколько последовательных этапов, каждый из которых характеризовался определенными признаками.

Первый этап — консолидация. Отколовшись от материнского этноса, тофалары и сойоты образовали компактный ареал, относительно обособленный от местного населения, чуждого им по хозяйственно-культурному типу, язык, конфессии и т.д. Поэтому на начальных этапах внутри тофаларов и сойотов доминирующим был процесс консолидации, внутригруппового единения. Последнее нашло выражение в актуализации этнического самосознания, в тенденции к слиянию в сравнительно сплоченную этническую группу, в некоем стремлении к обособленности, в оседании в моноэтничных поселениях или нескольких соседствующих селениях, в сохранении языка, традиций, материальной и духовной культуры.

Второй этап — межэтническая интеграция. По мере утраты контактов с материнским этносом и по мере возрастания сначала хозяйственных, затем и культурно-бытовых связей с окружающим иноэтничным населением, возникали предпосылки для процессов взаимного сближения. Постепенно развиваясь, этот процесс на определенной стадии стал для тофаларов и сойотов основной тенденцией их развития. Сближение с соседствующей средой в немалой степени способствовало ослаблению связей, прежде всего хозяйственно-экономических, с материнским этносом. Преобладающими, а вскоре и господствующими стали связи с окружающим населением.

О сближении тофаларов и сойотов с последним свидетельствовало появление и нарастающее развитие билингвизма. Совершенствование знания языка доминирующего этноса (для тофаларов — русского, для сойотов — бурятского, затем и русского) привело к тому, что адаптанты начали предпочитать обучать детей не на родном языке, а на языке большинства населения или на языке межнационального общения (русский для сойотов). Значительную роль в этом процессе сыграли межнациональные бра-

ки, доля которых неуклонно росла как среди тофаларов, так и сойотов.

Третий этап — этническая адаптация. Постоянно усиливающийся процесс этнической интеграции тофаларов и сойотов завершился своеобразной ступенью их этнокультурной адаптации, которую можно и должно рассматривать как определенную стадию завершения процесса их сближения с окружающим иноэтничным населением. Эта стадия характеризуется изменениями хозяйственно-культурного типа, воспринявшим традиции иноэтничной среды, а также в отдельных случаях изменением конфессиональной принадлежности, дальнейшим распространением межнациональных браков. Этническое самосознание, многие комплексы материальной и духовной культуры сохранились при этом довольно устойчиво. Родной язык, уступая социальные функции языку большинства населения, употреблялся сначала в быту, а затем постепенно начал утрачиваться. В настоящее время ни тофалары, ни сойоты почти не говорят на своем родном языке. Попытка возродить родной язык в полном объеме, предпринятая тофаларами в начале 1990-х годов, пока положительных результатов не дала. Так, американский лингвист Д. Харристон, проводивший полевые исследования среди тофаларов в 2003 году, отмечает, что в двух деревнях ему удалось найти только 15 человек, бегло говорящих на родном языке. При этом все они были в возрасте старше 40 лет, а их дети уже не знали родного языка, что свидетельствовало об угасании тофаларского языка (Харристон, 2008).

Четвертый этап — ассимиляция. При этой ступени развития этническая группа почти или полностью утрачивает и языковые, и этнокультурные признаки материнского этноса. По мере утверждения языка и культуры окружающего этноса прежнее этническое самосознание заменяется новым.

Процесс ассимиляции, начинающийся, как правило, с изменений в самой пластичной сфере — сфере материальной культуры, далее может быть прослежен в языке и образе жизни. Поскольку ассимиляция — процесс сложный и длительный с промежуточными этапами развития; завершенным его можно считать только тогда, когда коренные изменения происходят в сфере этнического самосознания. Применительно к тофаларам и сойотам можно утверждать, что несмотря на их ассимиляцию в языковом, культурно-бытовом отношении, они до сих пор продолжают осознавать себя причастными к конкретной этнической общности: тофалары — к тофаларской, сойоты — к сойотской. Они выделяют себя из других подобных образований. Следовательно, процесс их ассимиляции

нельзя считать завершенным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Баскаков, Н. А. (1969) Введение в изучение тюркских языков. М.
- Бичурин, Н. Я. (1950) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. ТТ. I–III. М., Л.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.
- Василевич, Г. М., Левин, М. Г. (1951) Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. № 1. С. 63–87.
- Грумм-Гржимайло, Г. Е. (1899) Описание путешествия в Западный Китай. Т. III. СПб.
- Жуковская, Н. Л. (1994) Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 5. М.
- Захаров, И. А., Ондар, У. Н., Доржу, Ч. М. (2002) Генетические связи тувинцев с американскими индейцами // Ученые записки ТИГИ. Вып. XIX. Кызыл. С. 126–130.
- Ирильдеева, Л. Г. (2000) Национально-культурные объединения этнических меньшинств Бурятии // Этнографическое обозрение № 5. М. С. 132–136.
- Исаев, М. И. (1970) Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР). М.
- История Тувы (2001) / Под ред. С.И.Вайнштейна и М.Х.Маннай-оола. Т.1. Изд. второе. Новосибирск.
- Кастрен А. (1860) Путешествие в Сибирь // Магазин землевладения и путешествий. Т. VI. М. С. 199–482.
- Катанов, Н. Ф. (1909) Катанов Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Записки РГО. Вып. XXXVI. СПб. С. 265–288.
- Керцелли, С. (1925) Карагский олень и его хозяйственное значение // Северная Азия. №3. С. 87–92.
- Козин, С. А. (1941) Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. М., Л.
- Малов, С. Е. (1951) Памятники древнетюркской письменности. М., Л.
- Мельникова, Л. В. (1994) Тофы. Иркутск.
- Народы Сибири (1956) М., Л.
- Орешкина, М. В. (1995) Сойотский язык // Красная книга языков народов России. М. С. 49.
- Павлинская, Л. Р. (1993) Окинские сойоты: методы и механизмы разрушения этнической культуры // Материалы полевых этнографических исследований 1990–1991 гг. СПб. С. 37–39.
- Павлинская, Л. Р. (2002) Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб.
- Паллас, П. С. (1788) Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.
- Петри, Б. Э. (1927) Оленеводство у карагас. Иркутск.
- Потапов, Л. П. (1953) Очерки по истории алтайцев. М.
- Радлов, В. В. (1907) Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб.
- Рассадин, В. И. (1971) Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ.

Рассадин, В. И. (1978) Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.

Рассадин, В. И. (1982) Тофаларский язык и его место в системе тюрксаих языков : автореферат кандидатской диссертации. М.

Рассадин, В. И. (1996) Животноводческая лексика в языке окинских бурят и сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ. С. 45–57.

Рассадин, В. И. (1999) Об оленеводстве у окинских сойотов // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Вып.2. Ч.1. Улан-Удэ.

Рассадин, В. И. (2000) Особенности традиционной материальной культуры саянских оленеводов-тофаларов // Этнологические исследования. Вып.1. Улан-Удэ. С.131–147.

Рассадин, В. И. (2000а) Хозяйство, быт и культура тофаларов : автореферат докторской диссертации. Улан-Удэ.

Рашид ад-Дин (1952) Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. -М., Л.

Самойлович, А. Н. (1922) Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг.

Harrison, D. (2008) Tofa language change and terminal generation speakers. (with Gregory Anderson) // K. David Harrison, David Rood & Arienne Dwyer (Eds.) Lessons from Documented Endangered Languages. Amsterdam : John Benjamins.

Dioszegi, V. (1968) The Problem of the Homogeneity of Tofa (Karagas) Shamanism // Popular Beliefs and folklore Tradition on Siberia. Bloomington: Indiana University Publications. P. 239–330.

THE TOPHAS AND THE SOYOTS: HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ESSAY

M. V. Mongush

Abstract: Article is devoted to small ethnic groups of the Tophas and the Soyots, who were parts of the Tuvan ethnos in the past, but later have broken away and became two independent ethnic units as a result. Their ethnic history, language, culture and a problem of identity are investigated.

Keywords: Siberia, Tuva, Buryatia, Tophas, Soyots, Tuvans, ethnic identity, small ethnic groups.